
КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОЗИЦИЙ

ГОРОЖАНКИНА Марина Евгеньевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономической теории Донецкого государственного университета экономики и торговли им. М. И. Туган-Барановского

Современная теория благосостояния большое внимание уделяет исследованию философских и социологических аспектов социализации экономической жизни общества. Научные дискуссии отражают анализ исторических предпосылок и теоретических концепций становления социальной экономики, неуклонного возрастания в ней роли человека и создания цивилизованных условий для его всестороннего развития.

Мировой опыт свидетельствует, что практика повышения уровня национального благосостояния обрела успешное воплощение на почве использования модели социально ориентированного рынка. Следует признать, что наиболее рационально она решается в экономически развитых странах, правительствам которых приходится учитывать реальное имущественное неравенство и дифференциацию доходов своих граждан. Несмотря на объективно присущие неустойчивость и неравномерность социально-экономического развития, тем не менее, населению многих развитых стран доступен сегодня широкий выбор средств социального обеспечения.

Этот социальный институт называется политикой *«социального благосостояния»* (Social Welfare), которая активно используется во всем цивилизованном мире на протяжении последних десятилетий [1, 2]. Социальное благосостояние является *экономическим инструментом выравнивания асимметрии индивидуального благосостояния с помощью государственного содействия в области соблюдения конституционных прав граждан*. Другими словами, решение проблемы неравенства в потреблении общественного благосостояния осуществляется путем преодоления несовершенства рыночного механизма с помощью движущих сил всего общества.

Целью статьи является компаративный анализ теоретических подходов к практике воплощения рекомендаций теории *«государства всеобщего благоденствия»* в экономическую и социальную жизнь современного общества.

В экономической теории сформировался ряд научных школ и политических течений, которые по-разному трактуют причины кризиса социального благосостояния в индустриальном обществе. Исходя из своих теоретических платформ, они описывают перспективы развития социальной практики в условиях постиндустриальной трансформации общества. Несмотря на общность целей, среди исследователей отмечаются значительные различия во взглядах в отношении роли государства в модели социального благосостояния, а также явно отсутствует единство в выборе средств и методов его обеспечения.

Изучив теоретические позиции участников научной дискуссии, мы обнаружили следующую расстановку сил. На роль крайне правых взглядов претендует социэкономическая школа *«новых консерваторов»* (The New Right), леворадикальные позиции занимают представители *демократических социалистов* (Democratic Socialists) и неомарксистов, а умеренные подходы к решению проблемы, в равной степени, демонстрируют научная школа *«средний путь»* (Middel Way) и общественно-политическое движение *«зеленые»* (Greens). Далее, следуя по выбранной нами схеме, продолжим знакомство с их теоретическими взглядами [3].

Рыночный радикализм консервативных реформаторов.

«Новые консерваторы» (The New Right), или, как их еще называют, «новые правые», сформировались как самостоятельное теоретическое течение в западной экономической науке к началу 70-х годов прошедшего столетия. Их концептуальные взгляды обрели прочные позиции во многих развитых странах Запада. Популярность этой школы оказала определенное влияние на формирование общественного мнения по ряду актуальных экономических и политических проблем, в том числе, и в области реализации государственной модели социального благосостояния.

Две основные причины способствовали этому:

во-первых, западное общество неотлагательно нуждалось в программных разработках стратегии выхода из мирового экономического кризиса 1973 г. и действенных мерах по преодолению его социально-экономических последствий;

во-вторых, к этому времени экспансия модели «государства всеобщего благоденствия» сменилась глубоким кризисом, общество требовало ревизии практики социального благосостояния и критического анализа ее результатов.

Теоретической платформой школы «новых консерваторов» явился современный либерализм, а ее вдохновителями стали Нобелевские лауреаты Фридрих фон Хайек и Милтон Фридман, а также известные на Западе их последователи – D. Gray, E. Powell, N. Barry, D. Willetts, C. Barnett. Либерально-консервативные взгляды представителей этой школы в отношении проблем социального благосостояния принципиально расходятся с концептом теории «государства всеобщего благоденствия» и базируются на следующих методологических положениях [4, с. 23-26]:

- рыночная модель хозяйствования, основанная на праве частной собственности, предпринимательской инициативе и экономическом росте, самостоятельно создает основы социального благосостояния и делает общество более равным, чем любые эгалитарные политики государства;
- эгоистическая сущность человеческой природы проявляется в приоритете достижения индивидуального благосостояния перед общественным и мотивируется личными экономическими интересами;
- неравенство, де-факто существующее в капиталистическом обществе, служит движущей силой его развития посредством конкуренции и соперничества между индивидами;
- расходы общества на социальное благосостояние деструктивны и представляют угрозу стабильности экономики. Они поглощают ресурсы, которые могли быть использованы более продуктивно в других отраслях и сферах экономики;
- общественное согласие для достижения коллективных целей социального благосостояния в свободном обществе невозможно, по определению, так как оно лишает несогласных граждан права выбора позиции, ограничивает их свободу, принуждает следовать государственной социальной политике;
- реализовать на практике модель «государства всеобщего благоденствия» не представляется возможным, так как это потребовало бы изменения спонтанного экономического порядка капиталистического общества, что не входит в концептуальные цели данной теоретической школы.

Теоретики консервативной школы твердо уверены в том, что рыночная модель не нуждается в государственном вмешательстве. Они критически оценивают конструктивизм правительственных действий, особенно, в традиционно рыночных сферах, таких как кредитно-денежная, страховая, фондовая, торговая и т. д. Конкурентные рынки являются самым важным в достижении экономического благополучия, поскольку они самостоятельно генерируют эффективность системы, чувствительны к изменению потребностей и уровня цен. Таким образом, «новые консерваторы», в отличие от других теорий, твердо уверены в действенной силе механизма рыночной конкуренции при решении проблем благосостояния нации и отводят государству лишь организационную роль. [23, с. 195-196].

Исходя из своих теоретических постулатов, школа «новых консерваторов» представила свою версию причин кризиса теории «государства всеобщего благоденствия», что во многом послужило росту ее собственной популярности в буржуазных слоях западного общества. С научной точки зрения можно констатировать, что *перед нами мнение крайней оппозиции о потенциальных возможностях буржуазного государства осуществить преобразования в сфере распределительных отношений, ликвидировать дифференциацию доходов и неравенство в уровне благосостояния граждан.*

По мнению «новых консерваторов» возникновение теории создания и развития социального благосостояния неслучайно совпало по времени с окончанием Второй Мировой войны. Этот факт был предопределен тем, что разработчики теории «государства всеобщего благоденствия» автоматически перенесли принципы распределения в обществе материальных благ и услуг, господствовавшие в период войны, в условия мирной распределительной практики. Они экстраполировали потенциал единения и коллективных усилий нации в достижении патриотических целей на преодоление социальных последствий послевоенного времени. Справедливо, на наш взгляд, и другое замечание «правых» о том, что полная занятость населения, достигнутая неэкономическими методами во время войны, в мирное время сменилась естественной, которая уже не могла в той же мере гарантировать поступления в государственный бюджет, обеспечивающие уровень предыдущих социальных гарантий и трансфертов.

По образному выражению С. Barnett: «вряд ли стоило строить Новый Иерусалим в послевоенной Англии» [5, с. 45]. Но к этим сомнениям аналитиков по поводу экономической состоятельности правительства кардинально решить социальные проблемы не прислушались и «шлюзы коллективизма» были открыты.

Так, например, последователи теории «государства всеобщего благоденствия» убеждены в возможности использования методов централизованного планирования для социального благосостояния. Они считают, что релевантные факты можно предвидеть и достичь комплексного подхода в условиях рыночной неопределенности. Напротив, «новые консерваторы» называют такую «рациональную политику» - мифом [5, с. 89], а попытки преодолеть возрастающую сложность социально-экономических процессов с помощью коллективных действий - нарушением спонтанного порядка рынка, игнорированием естественной (индивидуализированной) природы человека. «Непреднамеренный порядок, - утверждает Фридрих фон Хайек, - далеко опережает сознательно изобретенные действия людей» [6, с. 8]. Главный контраргумент «новых правых» - о невозможности создать действующую модель «государства всеобщего благоденствия» в современных рыночных и политических условиях - основывается на том, что свободное общество, по определению, не способно к достижению единой цели. Консерваторы признают возможность согласования социальных целей между членами общества лишь на уровне средств и методов их достижения. Наличие общности мнений на уровне справедливого распределения и перераспределения результатов, полученных от достижения этих целей, они категорически отрицают [6, с. 20].

В свою очередь, результативность модели «государства всеобщего благоденствия» напрямую зависит от единства внутри общества, основанного на демократических началах. Социальное благосостояние предназначено для всех членов общества и оно не может существовать без такой поддержки. Без нее государственное регулирование может вырождаться в беспорядок и тиранию, а социальное благосостояние – в неблагосостояние.

Если продолжить сравнительный анализ позиций этих школ, то можно обнаружить, что они по-разному истолковывают такие понятия как свобода, справедливость, потребности индивида и социальные права граждан. Видимо этим также во многом объясняется непримиримость их позиций.

Для «новых консерваторов» свобода, по существу, означает отсутствие принуждения. Другими словами, индивид просто свободен действовать по своему усмотрению и желанию. Главное, что беспокоит правых теоретиков, так это неизбежность и бескомпромиссность

принципов свободного общества. По их мнению, безнравственно навязывать членам общества единую модель распределения богатства, если она не всеми признана. Но как тогда трактовать с этих позиций демократический принцип общежития: человек, живущий в обществе, не свободен от общества? В этом контексте очень уместно замечание В. Hinds о том, что «несмотря на внешнюю неделимость свободы, на самом деле она достаточно многолика, имеется много ее разновидностей и между ними существует определенная иерархия» [5, с. 161].

Следовательно, в каждом отдельном случае мы имеем дело с конкретным видом свободы. Такое уточнение необходимо, потому что оно делает более понятной позицию последователей теории «государства всеобщего благоденствия» в этом вопросе. По их мнению, свободный индивид – это индивид, способный действовать самостоятельно (принимать решения – прим. Г.М.) с учетом имеющихся ресурсов и услуг [6, с. 29]. Здоровый прагматизм такого подхода к понятию свободы, на наш взгляд, более приемлем для современных условий ограниченности ресурсов и доступа к ним индивидов. В нем видится осознанная необходимость использования экономических рычагов в преодолении социальных проблем.

Расходятся эти школы и в понимании сущности социальной справедливости, определении ее истоков и последствий. Если в руках приверженцев теории «государства всеобщего благоденствия» это мощный агитационный аргумент, который указывает на возможность обретения равенства в благосостоянии даже в условиях неопределенности рынка, то «новые консерваторы», верные своим взглядам, вновь не признают оценок типа «справедливо-несправедливо» в отношении социальных результатов, а относят эти критерии только к процессам или процедурам в социальной сфере. Что касается сути этого явления, то для обеспечения базисного, равного для всех членов общества минимума в потреблении, необходимо наличие все того же общего согласия на перераспределение общественного богатства, достичь которого в условиях рыночной демократии, по их мнению, в принципе невозможно.

Несходство позиций анализируемых школ затрагивает и вопрос о социальных правах, рассматриваемых в данном случае, как право выбора между индивидуальной ответственностью и «культурой зависимости», которую, в свою очередь, порождает государство, беря на себя ответственность за бедных и нуждающихся в поддержке гражданах. Так, представители «новых правых» однозначно осуждают государственную политику насаждения «культуры зависимости», как одну из разновидностей его патернализма, который, на их взгляд, существенно ослабляет рыночные стимулы индивидов. Концепция «новых консерваторов» основывается на глубокой вере в возможности индивида и откровенном неверии в потенциал государственной системы и ее институтов. Такие убеждения логически приводят к конструкции, в которой доверие к государству заменяется доверием к рынку, где услуги социального благосостояния удовлетворяются либо за счет собственных ресурсов, либо с помощью организаций добровольного (волонтерского), то есть неофициального благосостояния.

Последствия патернализма, имеющие, как правило, долговременный характер, проявились в Англии лишь к середине 1970-х годов и по наблюдению С. Barnett превратили значительную массу британцев в «малограмотный, низко квалифицированный, нездоровый пролетариат, который материально зависит от государства» [5, с. 304]. R. Segalman and D. Marsland еще более жестко комментируют эту ситуацию и называют установившуюся зависимость от государства «культурой крепостничества», в которую нация постепенно погрузилась, начиная со времени после Второй Мировой войны [7, с. 134]. Свой выход из сложившейся ситуации предлагает аналитик К. Joseph: «Единственная надежда, которую мы можем дать бедному человеку, а, помогая ему, мы помогаем и себе, так это уничтожить нравственный закон, порождающий «культуру зависимости» от государства, в каждом отдельном индивиде» [8, с. 25].

Проанализировав и обобщив взгляды представителей школы «новых консерваторов», можно сделать вывод. По их убеждению, *теория «государства всеобщего благоденствия» не смогла решить на практике заявленных целей, не сумела предложить действенный механизм преобразования социальных отношений в индустриальном обществе, а осталась лишь в роли «зеркала, отражающего их состояние».*

Умеренные позиции прагматичных реформаторов.

Практически одновременно с рассмотренной школой сформировалось и получило распространение другое научное направление под названием «средний путь» (Middel Way), которое охватывает достаточно широкий диапазон взглядов на роль государства в решении проблем благосостояния граждан.

Объединяющим моментом для его представителей служит убеждение в том, что вмешательство государства в эту сферу не только необходимо, но и возможно. Сторонники этого научного течения, напротив, видят в модели «государства всеобщего благоденствия» *мощную силу социального прогресса и стабильности, предоставляющую людям гарантии поддержки и социальной защиты, последовательно нивелирующие негативное воздействие системы свободного рынка.* Они находят в регулировании экономикой не только возможности снижения деструктивных последствий колебания рыночной конъюнктуры, но и перспективы достижения полной занятости и экономического роста. Вместе с тем, их подход нельзя абсолютизировать и расценивать как попытку создания идеального общества. Скорее эту позицию можно назвать конструктивной критикой демократической общественной практики, в которой преобладает позитивизм.

Характеризуя теоретическую платформу этой школы, следует сразу уточнить, что ее основатели в лице Дж. Кейнса и У. Бевериджа придерживались достаточно умеренной философии, с определенной долей «здорового» консерватизма. Так, например, они оба признавались своими последователями в качестве приверженцев направления «консервативного коллективизма». В Англии к этой группе ученых, неслучайно, относят и традиционных консерваторов – Macmillan, Butler, Gilmour. Поэтому теорию «государства всеобщего благоденствия» не следует расценивать, как попытку осуществить «социалистическое предпринимательство» в капиталистической системе. В ней присутствует значительно больше консервативных идей, нежели установок других идеологий. Эта теория, по мнению Дж. Кейнса, должна служить капитализму, который «при мудром управлении может быть значительно эффективней с точки зрения конечных экономических результатов, чем любая альтернативная система» [3, с. 52-53].

Социальное партнерство, как основа не только политической, но и экономической стабильности - таким видится этой школе естественное состояние отношений между гражданами и государством в условиях современной демократии. Ведь, если «государство не заинтересовано своими гражданами, то почему они должны быть заинтересованы им» [9, с.118]. Отношение школы «среднего пути» к этой проблеме можно оценить как достаточно прагматичное. Ее представители убеждены, что когда ключевые социальные беды (безграмотность, бедность, болезни и др.) угрожают стабильности общественного строя, то их последствия должны быть минимизированы преимущественно административными методами. Иным принципам, в том числе экономическим, морально-нравственным, в своей теоретической платформе они отводят второстепенную роль. Таким образом, данная общественная проблема для «среднего пути» определена и диагностирована. Однако, с нашей точки зрения, такой подход свидетельствует об ограниченности масштабов и узкоспециализированном характере критики капиталистического общества сторонниками данной школы. Кроме этого, явно прослеживается политическая лояльность к властям со стороны ее представителей.

Умеренность позиции «среднего пути» по отношению к концепции «государства всеобщего благоденствия» находит отражение в следующих теоретических положениях [3, с. 47-50]:

- корни теории «государства всеобщего благоденствия» уходят в историю Англии начала XX века, а практика ее реализации является плодом коллективных усилий всех социальных слоев английского общества;
- разрушительный потенциал рыночных сил, объективно присущий рынку, наряду с его созидательными началами, составляет угрозу социальной стабильности в обществе;
- устойчивость и порядок – основа всей общественной жизни и государство должно выступать ее гарантом, поэтому именно в социальных реформах заключается альтернатива социальной революции;
- равновесие между экономической и социальной политиками означает для общества их равнозначность, так как страна нуждается в социальной политике, чтобы компенсировать негативные результаты рыночной системы, а ее финансирование, в свою очередь, предполагает наличие сильной экономики;
- отказ от любых форм эгалитаризма, порождающего утопические взгляды на социальное равенство. Допустим лишь один вид равенства – равенство возможностей в доступе к ресурсам, при этом не исключается ситуация быть неравным по результатам деятельности;
- достижение «единства нации», использование национального богатства во благо нации, для решения закоренелых социальных проблем.

Как мы видим, надежды любого социума на построение экономически эффективного и одновременно справедливого, лишенного социального неравенства общества, тесно связаны с проблемой государственного вмешательства и управления экономикой. Действительно ли государство в условиях рыночной модели хозяйствования может обеспечить решения таких глобальных социальных задач, как преодоление безработицы, бедности, неграмотности или неравенства экономических возможностей? Очевидно, что ответ на этот фундаментальный вопрос экономической теории трактуется западными учеными по-разному, в зависимости от занятой в обществе позиции.

Доверительное отношение данной школы к деятельности государства в этой сфере явно контрастирует с позицией откровенного недоверия со стороны «новых консерваторов». Заслуживает внимания трактовка сторонниками «среднего пути» роли государства в создании идеального общества. Несмотря на то, что у них нет всесторонне обоснованной теории в отношении этого феномена, тем не менее, школа демонстрирует объективность оценок действий правительства. Оценка государственного вмешательства ими не абсолютизируется: не бывает либо только хорошо, либо только плохо. Все зависит от конкретных обстоятельств. N. Barry, предостерегает, что «всегда следует знать меру, не делать больше, чем нужно» [10, с. 174]. Отдавая приоритет рыночным стимулам развития общества, нельзя не видеть, что государство пытается создать систему «сдержек и противовесов» негативным силам рыночного механизма. Неприятие методов политизации, идеологизации и догматизма глубоко внедрено в теоретическую концепцию «среднего пути».

Другими словами, в позиции этой школы прослеживается *здоровый прагматизм, отказ от любых утопических моделей идеализации людей. Осознавая несовершенство человеческой природы, прагматики «среднего пути» делают свой выбор в пользу сохранения экономического порядка и стабильности, предпочитают плюрализм и рационализм действий в области социального благосостояния.*

Инвайронментализм экологических реформаторов.

Свой вклад в развитие теории «государства всеобщего благоденствия» внесли представители известного во всем мире общественного движения «зеленых» (Greens). Обеспокоенность людей состоянием окружающей природной среды своими корнями уходит в историю западной цивилизации, но особо она усилилась в индустриальную эпоху ее развития. Известные философы, экономисты, политические и религиозные деятели в своих публичных высказываниях уже давно предупреждали о возможных социальных

последствиях разрушения среды обитания человека путем чрезмерной эксплуатации материальных и нематериальных ресурсов планеты.

Современный период деятельности «зеленых» связывают с началом 70-х годов прошлого столетия. Идеология нового этапа мирового экологического движения сформировалась под влиянием философии Римского клуба, рекомендаций постоянных конференций ООН по проблемам окружающей среды.

Сегодня проблемы инвариантализма приобрели такой масштаб, что нуждаются в отдельном теоретическом обосновании. Это привело к возникновению самостоятельной научной школы «гринизма» (Greenism). Имея много внутренних течений и направлений, в одном они едины: нынешний социум нуждается в защите от последствий предшествующих социальных и технологических революций, а природа - от глобальной экологической катастрофы. Привлечение к нашей дискуссии взглядов «зеленых» объясняется тем, что эта школа считает необходимым дополнить теорию «государства всеобщего благоденствия» концептом проблем сохранения окружающей среды. Таким образом, *«зеленые» предлагают расширить ряд критериев оценки общественного благосостояния за счет инвариантальных факторов. При этом они убеждены, что эти вопросы не только должны быть учтены, но и иметь в ходе анализа равный с экономическими и социальными аспектами статус.*

Считать эту школу чисто экономической, конечно, не стоит, но не замечать сегодня ее мнение и весомости собранных аргументов, уже нельзя. Для правильного понимания научной концепции «зеленых» отметим основные положения их теоретической и практической платформ [3, с. 161-162].

Во-первых, это негативное отношение ее представителей к попыткам других научных школ абсолютизировать категорию экономического роста в качестве источника преодоления социальных и экологических проблем человечества. Цена экономического роста – центральный вопрос теории «зеленых». По мнению сторонников движения «зеленых», модель «государство всеобщего благоденствия» неизбежно становится зависимой от механизма экономического роста, построенного на стратегии получения краткосрочной прибыли за счет долгосрочного экологического бедствия и, как следствие, потенциально опасного для всего общества. В отличие от предложенных выше подходов, лояльно рассматривающих экономический рост как ресурс увеличения благосостояния, «зеленые» связывают его с «неблагосостоянием», то есть благосостоянием, которое достигается за счет чрезмерного ресурсного потребления, истощения невозобновляемых ресурсов и загрязнения окружающей среды.

Во-вторых, главную угрозу инвариантальной среде, по мнению школы, составляют индустриальные общества, независимо от их классовой основы (капитализм, социализм). Все социальные беды индустриального общества коренятся в его природе. Главная экономическая «вина» индустрии заключается в использовании крупномасштабных, материалоемких технологий, которые потребляют слишком много ресурсов для работы отраслей общественного производства. Такие формы организации труда изначально расточительны и бесперспективны. Более тридцати лет назад члены Римского клуба констатировали: «Мы не можем ожидать, что технологические решения разорвут порочный круг экологических проблем» [3, с. 4]. К сожалению, до сих пор мало что изменилось в этом плане. Фундаментальной ошибкой, с позиции «гринизма», стала экспансия устаревшей индустриальной технологии из передовых стран в государства третьего мира. Такая завуалированная форма эксплуатации их хозяйственного потенциала недопустима не только с этической стороны. Экономически она ведет к разрушению экологии этих стран, так как построена на прямом изъятии природных ресурсов (вывозе полезных ископаемых национальных недр, уничтожении лесов), загрязнении водного и воздушных бассейнов.

В-третьих, эгалитаризм в понимании «зеленых» означает, что человек по своим родовым признакам равнозначен всем другим видам живой природы и не имеет перед ними никаких преимуществ. С этих позиций критика индустриального общества состоит в том,

что в нем, наоборот, мир животных и растений существует лишь как материальная основа для удовлетворения потребностей человека, неисчерпаемый источник его благосостояния. Социальные и экономические институты индустриальной цивилизации закрепляют такое положение вещей в сознании основной массы людей.

В целом, оценивая принципы «ринизма» и его отношение к модели «государства всеобщего благоденствия», следует отметить стремление этой школы предложить *собственную схему социального благосостояния населения, основанную на индивидуальном подходе к удовлетворению социальных потребностей, а поэтому, на их взгляд, более персонифицированную и справедливую. Главное условие «зеленых» - это предоставить гарантии социальной защиты всем гражданам, как работающим, так и неработающим, то есть независимо от их имущественного и социального статуса. Единственным регламентирующим требованием является ограничение популяции населения.*

Идеологические установки политических реформаторов.

Рассмотрение и оценку научных и общественно-политических подходов к теории «государства всеобщего благоденствия» завершают взгляды представителей социал-демократических и неомарксистских групп, традиционно отстаивающих классовый подход к методам улучшения социального благосостояния граждан. В этом «лагере мнений» различия между соратниками не столь принципиальны.

Социал-демократы (Democratic Socialists) твердо убеждены, что социализм по своим качествам превосходит капиталистическую систему, а теория «государства всеобщего благоденствия» служит переходной моделью от экономики типа *laissez-fair* к планово-централизованной. Однако они предпочитают осуществлять управление социальным благосостоянием преимущественно политическими, а не экономическими методами. По их мнению, с помощью такой практики возможен эволюционный путь к справедливому демократическому обществу [3, с. 74-76].

Таким образом, следует однозначно признать факт безусловной поддержки социал-демократами практики «государства всеобщего благоденствия», несмотря на многие ее неудачи и кризисные периоды развития. Как наиболее близкая им по духу, она была названа аналогом не прямой, а косвенной власти рабочего класса в условиях демократического парламентаризма и признана непосредственным результатом длительной борьбы наемных работников за свои социальные права. В целом, критически оценивая реальные возможности и методы достижения социальной гармонии в капиталистическом обществе, социал-демократы, тем не менее, признавали факт, что многолетний опыт этой теории служит доказательством того, что общественный прогресс может быть обеспечен путем использования мирных парламентских методов достижения равновесия политических сил.

Как мы видим, *позиция социал-демократов находится в явном противоречии с предыдущими теоретическими взглядами на данную проблему, так как смещает центр зарождения предпосылок и разработку методов социального благосостояния из экономической сферы в политическую.*

Разнообразие и диапазон социалистических идей построения нового общества традиционно включает неомарксистский подход. Его современная редакция сводится к тому, что модель «государства всеобщего благоденствия» *служит целям сохранения капитализма как строя, и, прежде всего, заинтересовано в жизнеспособности его экономической системы в целом, а не в благополучии отдельных граждан.* В свою очередь, неомарксисты остаются последовательными в своих убеждениях и считают, что планово-централизованное управление экономикой со стороны государства возможно и даже эффективно, но только не в рыночных условиях. Социальное благосостояние они рассматривают как неотъемлемую составляющую социально-экономической политики государства.

Современная история социализма -- это история конкурирующих между собой способов его осуществления. Следует признать, что только две модели социализма получили на протяжении XIX-XX вв. воплощение в реальной государственной практике. Это

демократический и командно-административный типы устройства общества. Какой опыт накопило человечество при их реализации хорошо известно современникам советского периода мировой экономической истории. Правительства социалистических государств при формировании социальной политики не использовали теоретический багаж модели «государства всеобщего благоденствия». Исследование причин такого подхода выходит за рамки данного доклада.

Подводя итог изложенного спектра взглядов, можно констатировать: компаративный анализ позиций разных научных школ позволяет составить представление о возможных путях создания институциональной модели социального благосостояния.

Уровень социального благосостояния – интегральный показатель социального прогресса общества. Поэтому проблема его повышения и сегодня остается константой экономической теории. Многофакторный характер процесса обеспечения благосостояния предполагает наличие разных источников и методов его достижения.

Человек создает общественное благосостояние не только посредством получения личного дохода, трансфертных платежей и социальных преференций от государства. В не меньшей степени оно достигается благодаря использованию людьми нетрадиционных методов доступа к ресурсам, путем создания сетей социальных связей, образующих совокупность нематериальных общественных благ: информацию, репутацию, деловые связи, доверительные и взаимные обязательства в партнерских отношениях.

Рыночный механизм создания благосостояния объективно не может обеспечить равенство людей в потреблении благ и услуг. Решение проблемы неравенства возможно только с помощью усилий всего общества. Социальное благосостояние является экономическим инструментом выравнивания асимметрии индивидуального благосостояния на основе государственной финансовой поддержки и гарантируется гражданам статьями Конституции.

Литература.

1. Loney M., Boswell D., Clark J. Social Policy and Social Welfare. – Philadelphia, The Open University, 1983. – 309 p.
2. Young P. Mastering Social Welfare. – London: Macmillan Press Ltd., 2000. – 419 p.
3. George, V. and Wilding, P. (1994) Welfare and Ideology, Prentice Hall Europe, 228 p.
4. Esping-Andersen, G. (1990) The Three Worlds of Welfare Capitalism, Polity Press, Cambridge. – 203 p.
5. Barnett, C. (1986) The Audit of War, Macmillan: London.
6. Haeyk, F.A. (1976) Law, Legislation and Liberty, Vol. 2, The Mirage of Social Justice, Routledge and Kegan Paul: London.
7. Segalman, R. and Marsland, D. (1989) Cradle to Grave, Macmillan: London.
8. Joseph, K. (1976) Stranded on the Middle Ground, Centre for Policy Studies: London.
9. Hindess, B. (1987) Freedom, Equality and the Market, Tavistock: London.
10. Barry, N. (1987) The New Right, Croom Helm: London.

Поступила в редколлегию 21.04.2006

© Горожанкина М.Е., 2006